

«Я чувствую, как меня делает история»...

ЧТО СВЯЗЫВАЕТ ЮРИЯ ТЫНЯНОВА С НАШИМ ГОРОДОМ?

18 октября исполнилось 120 лет со дня рождения знаменитого писателя. Петербург Юрия Тынянова — это прежде всего не Петербург его биографии, а Петербург его книг и того особенного времени, в которое он был нацелен. То есть пушкинской эпохи, которую Тынянов одновременно и препарировал, разлагая на лица, темы, стили, движения, — и невольно придает ей монументальность, мифологизировать, делая ее главным смыслом и основой Петербурга.

Для меня тыняновский город начинается с изжелта-белого, как старый снег, томика с «Кюхлей» и «Смертью Вазира-Мухтара», с первых страниц конкретного места и даже даты.

«На очень холодной площади в декабре месяца тысяча восемьсот двадцать пятого года перестали существовать люди двадцатых годов с их прыгающей походкой. Время вдруг переломилось <...> Лица удивительной немоты появились сразу, тут же на площади, лица, тянущие лосинами щек, готовые лопнуть жилами. Жилы были жандармскими кантами северной небесной голубизны, и остзейская немота Бенкендорфа стала небом Петербурга».

На филфаке Университета Юрий Тынянов начал изучать историю литературы и писать стихи.

КАК ЕГО НЕ ПОНИМАЮТ

Внезапные, авангардистские скачки ассоциаций увлекают взгляд по голубому небу вверх Невы на ту сторону — где голубизна небесная и жандармская сменяется бледно-голубым, зеленоватым сиянием дворца Петра II работы Трезини. Сейчас он, правда, в коконе лесов.

Тут начинается физическое петербургство Юрия Тынянова в 1912 году. Юноша, окончивший с серебряной медалью Псковскую губернскую мужскую гимназию, приезжает в Петербург и поступает на тогдашний историко-филологический факультет Университета, славяно-русское отделение.

Тут он слушает лекции Ивана Бодуэна де Куртэна, Фаддея Зелинского, Николая Лосского, Льва Шербы... Посещает Пушкинский семинар профессора Семена Венгерова.

«Здесь я подружился со стройным, еще румяным, красивым, темноглазым человеком, звали его Юрий Николаевич Тынянов. Он работал в семинаре Венгерова, — пишет Виктор Шкловский, вечный друг, союзник, коллега и оппонент Тынянова. — Самым интересным среди учеников Венгерова был Юрий Николаевич. Он писал стихи, и стихи неплохие, он не просто накапывал факты: выбирал и умел видеть то, что другие не видели; увлеклся Державиным, Кюхельбекером, понимал значение в искусстве отвергнутого и как будто неосуществленного.

История литературы была для него не историей смены ошибок, а историей смены си-

стем, при помощи которых познается мир».

Все интересы были к этому моменту уже обозначены и, быть может, даже предопределены. Тынянов учился в Университете с 1912 по 1919 год. За это время сменялась жизнь, очередной перелом произошел. Он не мог не потребовать новых интерпретаций, рефлексий.

«Я стал изучать Грибоедова — и испугался, как его не понимают и как не похоже все, что написано Грибоедовым, на все, что написано о нем историками литературы (все это остается еще и теперь). Прочел доклад о Кюхельбекере. Венгеров оживился. Захлопал. Так началась моя работа. Больше всего я был не согласен с установившимися оценками», — пишет Тынянов в автобиографии.

Причем Тынянов мог высказаться об этой работе не только как о долге, но о закономерности, неизбежности. Он сравнивает себя с Шкловским: «Виктор — механик... Он верит в конструкцию. Он думает, что знает, как сделан автомобиль... А я, я — детерминист. Я чувствую, что жизнь переплещивается через меня. Я чувствую, как меня делает история».

То же самое мог бы сказать о себе и любой из героев Тынянова.

ВЕШАЛКИ НЕ БЫЛО

В 1918-м Тынянов вступил в ОПОЯЗ — Общество изучения поэтического языка (или Общество изучения теории поэтического язы-

ка), которое создали Виктор Шкловский, Борис Эйхенбаум, Роман Якобсон и другие лингвисты и литературоведы. Они взломали традиционные схемы литературоведения, вдохновили структуралистов и постструктуралистов Франции, дали жизнь Московско-Тартуской школе, но сами были уничтожены в ходе советских гонений на формализм.

С сентября 1920 года Тынянов — секретарь общества. А в 1921-м в издательстве «ОПОЯЗ» вышла первая книга Тынянова — «Достоевский и Гоголь. (К теории пародии)». «За издание получил воздров», — сухо шутит Тынянов в анкете. На дворе стояла нищета и голодная зarya Советской России.

С 1919 года квартира Тынянова была на Песках, по адресу: Греческий проспект, дом 15. Огромный доходный дом цвета кофе с молоком. Здесь, по воспоминаниям Шкловского, зимой стоял холод, так что воз дрвов был как нельзя более кстати: «Квартира на Песках Юрия Николаевича была небольшая, светлая и пустая. Книги еще не завелись; вещей было так мало, что, приходя к другу, я вешал пальто на выключатель: вешалки не было».

В квартире Тынянова жила его жена — виолончелистка (Елена Зильбер, сестра Вениамина Каверина. — Прим. авт.), перетрудившая руки в упражнениях, дочь, очень рано начавшая писать забавные стихи, приезжала очень похожая на Юру девочка — сестра его Лида. Приходило к ним множество пароду. Вениамин Каверин — молодой студент в длинных, еще пахнущих свежим дешевым сукном брюках, <...> молодой и неудержимо веселый Иракий Андроников. И я там бывал».

Греческий проспект, 15. Здесь была квартира Тыняновых, в которой бывали Шкловский, Каверин, Иракий Андроников.

СРЕДИ ОБЛОМКОВ СТАРОЙ ЖИЗНИ

В квартире Тынянова и собирались опоязовцы, а еще — в Доме искусств — ДИСКЕ, где жил Шкловский. Дом у Зеленого моста, на углу Невского и набережной Мойки, был полон литературных знаменитостей того времени. Здесь жили, писали, устраивали вечера: «Сумасшедший корабль» (по Ольге Форш) выплывал в океане хаоса среди обломков старой жизни.

Шкловский: «Я жил за умывальной комнатой в бывшей спальне знаменитого петербургского магазинчика Елисеява, спальня была как

спальня, только с очень длинным шкафом, предназначенным для сотни костюмов; в этом шкафу мои одинокие брюки выли от одиночества. Зато умывальник, вернее, помещение для него было в четыре окна, с велосипедом, фонтаном и еще какими-то усовершенствованиями: это было хорошо летом, когда работал водопровод. Зимой все костенело в холоде».

Собирались и в Институте истории искусств, знаменитом и многострадальном Зубовском, что на Исаакиевской площади. 5. Тогда ее переименовали в площадь Воробьевского. Здесь Тынянов работал с 1921 года по 1930-й как преподаватель факультета исто-

Я СТАРАЮСЬ

Все это — как бы рядом, вокруг да около тех самых мест, тех самых людей, о которых он думал. Из окон Зубовского хорошо смотреть на Сенатскую площадь.

И вдруг, в 1924 году, он решается и кидается в свой XIX век с головой. Помогла случайность — или закономерность? Корней Чуковский предложил написать детскую брошюру о ли-

цейском товарище Пушкина, декабристе Кюхельбекере. Неожиданно для себя (и уж тем более для Чуковского) Тынянов принес целый роман «Кюхля». Конечно, тут сыграла роль нужда в деньгах. И конечно — не только она. Видимо, этот переход, перелом — был закономерен.

«Потребность познакомиться с ними поближе и понять глубже — вот чем была для меня беллетристика» — так объяснял это впоследствии сам Тынянов. С ними — это с людьми пушкинского века.

И еще: «Я и теперь думаю, что художественная литература отличается от истории не «видимкой», а большим, более близким и кровным пониманием людей и событий, большим волнением о них... Но взгляд должен быть много глубже, догадки и решимости много больше, и тогда приходит последнее в искусстве — ощущение подлинной правды: так могло быть, так может быть, было».

В 1928 году была «Смерть Вазира-Мухтара», роман о «самом грустном человеке двадцатых годов» — Грибоедове. Тынянов был уже одним из самых прославленных и самых неожиданных прозаиков, мэтром исторической советской прозы, которого превознес сам Максим Горький. Были «Подпоручик Кижж», «Малолетний Витушильников», «Восковая персона»... И была болезнь, с которой пришлось действовать наперекор. Рассеянный склероз. Тынянов занимается изданием новой книжной серии «Библиотека поэта», руководя процессом после смерти Горького. Тынянов пишет третий, заключительный роман о Пушкине. В 1936 году он покидает свою квартиру в Ленинграде и отправляется на лечение в Париж. В том же году он пытается покончить с собой.

Но смерть приходит только несколькими годами спустя, после начала войны, после эвакуации. 20 декабря 1943 года Тынянов умер в Кремлевской больнице.

В финале «Кюхли» умирающий Вильгельм видит Пушкина, давно покойного: «— Надо торопиться, — сказал Пушкин быстро. — Я стараюсь, — отвечал Вильгельм виновато, — видишь. Пора. Я собираюсь. Все некогда».

Как обезличенный хирург под маской, Тынянов вскрывал скальпелем метода и вдохновения пласты эпохи. Как анонимный монах со стилем в холодном скриптории, он жил более жизнью своих героев, нежели своей. Но это самоотречение, быть может, давало ему возможность понять перелом своей собственной эпохи.

Только иногда в его прозу, казалось бы, полностью погруженную в холодные воды XIX века, проникают современные ему обстоятельства. И связь между вчера и сегодня воплощает молодой город, который кажется вечным: «В Петербурге совсем нет туников, а каждый переулок стремится быть проспектом. В нем есть такие улицы, о которых доподлинно неизвестно, проспект ли это или переулок. Таков Греческий проспект, который москвичи упорно называют переулком. Улицы в Петербурге образованы ранее домов, и дома только восполнили их линии».

Федор ДУБШАН, фото Натальи ЧАЙКИ

Набережная Мойки, 59. В Доме искусств (ДИСКЕ), на углу Мойки и Невского, собирались молодые литераторы. Здесь жил Шкловский, а Ольга Форш назвала этот дом «Сумасшедший корабль».

КУДА ПОЙТИ В ВЫХОДНЫЕ

ПЯТНИЦА, 24 ОКТЯБРЯ

В Мюзик-холл

Сегодня на сцене Театра «Мюзик-холл» будет представлен проект «MAGIA DEL AMOR» («Магия любви»). Это представление, объединяющее испанскую и латиноамериканскую музыку в оригинальной современной интерпретации ансамбля «Serdolik» и выступления певцов и танцоров из Испании, Кубы и России.

Костюмы для спектакля создал Александр Шешунов — кстати, автор костюмов для Королевского балета Испании, Театра Аллы Сигаловой, для Эдиты Пьехи и других звезд.

Ансамбль состоит из суперпрофессионалов: это гитарист-виртуоз и певец Тони Алькальде, знаменитый исполнитель на ударных инструментах кубинец Йозель Гонсалес, певец Деми де Оро (Дмитрий Анисимов), гитаристы Дмитрий Родичев и Юрий Бобылев, скрипка и вокалистка Екатерина Мазнича, танцоры фламенко Эль Таби (Степан Прибыток), Екатерина Шалдыбина и Владимир Точмин, Марина Коробко, Анна Чиркунова. Начало — в 19.30.

СУББОТА, 25 ОКТЯБРЯ

На концерт

В 19.00 в Концертном зале «Яни кирик» можно послушать «Легкий джаз» в серии концертов «Свежий звук». Выступит юношеский вокальный ансамбль «JAZZ ISLAND» из Литвы (на фото). В программе — джазовые обработки литовских песен

и известных классических сочинений, а также самые разные джазовые стандарты, переплетающиеся линии голосов труб и саксофонов, россыпи пассажей фортепианного сопровождения, мерные ухастья контрабасов. Оказываются, все это — акапельное пение юных джазовых вокалистов. Вокальный ансамбль учеников литовской джазовой школы «Jazz Island» был основан в 1991 году композитором, певцом и аранжировщиком Артурасом Новикасом.

В БКЗ «Октябрьский» состоится сольный концерт любимица петербургской публики Методие БУЖОРА (на фото). Обладатель уникального голоса, Методие одинаково гармонично чувствует себя в разных жанрах — будь то опера, классическая или современная эстрадная песня.

Бужор нынче — один из самых востребованных петербургских артистов, участник многих международных фестивалей, огромного количества телевизионных проектов.

Исполнит певец полюбившиеся зрителям хиты, а также его концерт не обойдется без премьер и музыкальных сюрпризов. Начало в 19.00.

В клуб

В 20.00 в клубе «Космонавт» выступит Игорь РАСТЕРЯЕВ с презентацией нового альбома. За два года после альбома «Звонарь» Игорь — помимо работы в театре — издал книгу «Волгоградские лица», вместе с другом Лехой Ляховым снял несколько клипов, выпустил мультимедийный ролик на песню «Ермак», который полностью нарисовал сам. И вот наконец у него накопился материал для следующей пластинки...

В театр

В 19.15 на сцене Малого зала ДК «Выборгский» покажут спектакль Театрального товарищества «Носовы и компания» «ТРЕТИЙ С КРАЮ» по комедии Клемона Мишеля «Неделю, не больше» (перевод с французского Юлии Сокол). Постановка Андрея Носкова. Играют артисты Юлия Рудина/Кристина Кузьмина, Андрей Носков/Дмитрий Гоголин, Илья Носков/Дмитрий Гоголин. Спектакль создан по современной, динамичной, смешной и трогательной пьесе о любви.

Подготовила Варвара ХОЛОДНАЯ